

Виктория Горнина
Спасибо за
покупку

Виктория Горнина

Спасибо за покупку

<https://litres.ru/70293118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот роман написан в 2008 году. Он о любви. Героиня проходит через всю гамму чувств. Действие происходит в супермаркете. Вся внутренняя жизнь сотрудников пройдет перед вашими глазами. Они такие же люди, со своими мечтами и надеждами, как и все остальные.

Приятного чтения.

Содержание

Предисловие	4
1. Солнце всходит на востоке	5
2. Все не так плохо	15
3. Мальчик с красным рюкзачком	25
4. Злобный кассир	32
5. Анечка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Спасибо за покупку

Предисловие

Одна моя приятельница давно просила меня написать что-нибудь современное.

– Что ты уперлась в свою Древнюю Грецию? Герои, мифы – это уже никому не интересно. Напиши лучше про любовь.

В конце концов, я уступила ее просьбе – про любовь, так про любовь. Только история получилась не слишком веселая – но, я надеюсь, что она понравится и ей, и вам, хотя бы потому, что в ней мало придуманного, высосанного из пальца – она взята прямо из реальной жизни – фактически просто записана, причем записана от первого лица – то, чего я никогда не делала прежде; мне кажется, так больше возможности передать настроение и чувства героев. Имена самих героев изменены и нет никаких указаний на место действия – в конце концов, это могло происходить где угодно, потому любое возможное совпадение лишь случайность.

1. Солнце всходит на востоке

Шел одиннадцатый час, когда покупателей становится заметно меньше, и длинные проходы вдоль стеллажей постепенно пустеют, облегченно вздыхая, а ночная уборщица усталыми глазами в который раз окидывает зал, раздраженно бормоча себе под нос:

– И ходят, и ходят, чтоб им...

– Теть Галя, что ты хочешь? Сегодня пятница. Всю ночь будут шляться туда сюда.

Тетя Галя, приятная маленькая женщина с грустным лицом, правильные черты которого еще хранят остатки прежней красоты – если встретишь ее на улице в обычной одежде – и не подумаешь, что уборщица, отвечает чуть заикаясь:

– Да уж... и охота шлындать по ночам...

Ее торопливые руки тем временем собирают оставленные чеки – теперь это никому ненужные бумажки – словно опавшие листья они лежат рваными кучками на блестящей стального цвета наклонной поверхности – раз – и чеки отправляются в корзину вслед за прочим мусором.

– Сколько намолотила... Ладно, пойду. – медлит тетя Галя, теребя резиновые перчатки. – Пора идти... Ты в ночь?

Голубые глаза вопросительно смотрят на меня, вертикальная морщинка проступает меж поднятых бровей.

– Да...

Я едва успеваю ответить – передо мной стоит бутылка пива, и очаковский джин тоник, и баночка салата, и что-то еще...

– Здравствуйте...

Массивная фигура в черной куртке игнорирует приветствие – подумаешь, какая важность, мне на самом деле все равно – я даже глаз не поднимаю – скорее узнаю руки, кредитные карточки, кошельки, чем их обладателей – бесконечный поток покупателей сливается для меня в однородную массу, их лица мне совершенно безразличны.

– Пи-пи-пи... – привычно выдает свою трель сканер, зеленые цифры табло сменяются несколько раз и, наконец, замирают на итоге.

– Двести пятьдесят три рубля сорок семь копеек.

Лихорадочные поиски по карманам занимают пару минут – я откидываюсь на спинку стула, сохраняя на лице бесстрастное выражение и терпеливо жду. (если бы я с такой же скоростью обслуживала вас, представляю, что бы вы сказали) Наконец на свет появляется смятая пятисотка. Еще секунда – и детектор дает добро.

– Мелочь посмотрите пожалуйста... Три пятьдесят или четыре рубля – мой официальный тон звучит спокойно.

– Будет... – раздается в ответ. Голос чуть хриловатый, но с приятным тембром. – Мелочи полный карман...

В сжатой ладони действительно полно монет. «Найдет» – думаю я, и поворачиваюсь к монитору. 503,5 – набрано, одно

касание – и все приходит в движение – ящик вылетает вперед, чек готов – я набираю сдачу.

– 250 рублей 3 копейки...

Почему вы кладете мелочь куда угодно, только не туда, куда надо? Попробуй, возьми ее с гладкой поверхности – только ногти и выручают.

– Спасибо за покупку.

Мужские руки сгребают сдачу, она исчезает в глубине кармана, черная куртка отступает влево – но я слышу, как шуршит пакет, принимая покупки – корзинка брошена у меня за спиной – он явно не торопится уступить место следующему, а этот следующий уже здесь – полная с верхом тележка – семейная пара выгружает на ленту (читай на транспортер) бесчисленные банки, груды нарезки, мясо, кофе, конфеты... Женщина в дорогой шубе суетится, копается в недрах тележки, извлекая самое нужное вперед. Тем временем ее муж холеной рукой набирает жвачки – полочки которой услужливо свешиваются под углом в предкассовой зоне.

– Масло, масло забыли. Коля, за маслом сбегай – призывает жена, словно имеет дело с обычным мальчишкой.

И представительный мужчина, от которого никак не ожидаешь подобной прыти – наверняка он сам целый день командует другими где-нибудь в офисе – с готовностью срывается с места, бросая на ленту набранные прямоугольнички Орбита. Вслед ему (вдруг не то возьмет) раздается:

– Олейну, Олейну бери

– Здравствуйте

– Здравствуйте. – раздается в ответ.

Пи-пи-пи – пищит сканер, следом за тележкой встают другие, образуя очередь – сегодня пятница, а значит народу будет достаточно, тем более, что из девяти касс осталось работать пять – поэтому расслабляться рано. Пятеро кассиров в одинаковых синего цвета фартуках, желтых свитерах, с нелепыми кокошниками – вам, господа покупатели, они кажутся одинаковыми, верно? Впрочем, это даже к лучшему. Пусть никто из вас не задается вопросом, чем живет каждая из этих женщин, о чем думает, о чем мечтает. Вы пришли за покупками – совершайте же их. Ничто не должно мешать вам и – спасибо за покупку.

Справившись с очередным наплывом, я вновь откидываюсь на спинку стула, перебрасываюсь парой ничего не значащих фраз с соседкой. Та что-то отвечает мне, но я ничего не слышу, вернее, слышу, но не воспринимаю – вдоль ряда наших касс идет парень лет 35-ти в черных потертых джинсах и темной, почти черной куртке с капюшоном, отороченным мехом. Впрочем, я узнаю его в любом наряде, я узнаю его среди тысячи, среди бескрайней, бесконечной толпы – наши глаза обязательно встретятся, в какой бы точке магазина он не находился – я знаю, что он всегда видит меня, а он прекрасно знает, что я, в свою очередь, вижу его. Это одновременно много и так мало. Мое лицо до сих пор бесстрастное, слегка краснеет, блеск зажигает глаза, все мое су-

щество охватывает волнительный трепет, предвкушение счастья подступает настолько близко, пусть всего лишь миг оно продлится, но этот миг дороже долгих бесцветных часов. Только бы он пришел на мою кассу – думаю я. Моя спина сама собой выпрямляется, мой голос приобретает бархатный оттенок, я безотчетно поправляю свои роскошные волосы, хотя в этом нет никакой необходимости – они схвачены крабом на затылке – только бы он пришел ко мне... Какой-то подвыпивший мужичок, путаясь, грязными пальцами отсчитывает мелочь, но мне уже все равно.

– Десять копеек, пожалуйста

Только успеваю я сказать ему вслед.

– Ха-ха-ха... Мы все взяли? Ты больше ничего не хочешь?

Корзина плюхается на ленту, банки пива теряют равновесие. Девушка в зеленоватом драповом пальто заливается смехом. Ее гладкие черные волосы прыгают у меня перед глазами. Я вижу – она миловидна, да что там, она симпатична и даже очень – живые черные глаза, свежие румяные щечки – в свои 40 я не выдержу такой конкуренции – нет, не стану ее рассматривать – я привычно опускаю взгляд. Она что-то щебечет и смеется – должно быть у нее прелестная улыбка, он, тот самый парень в темной куртке, выкладывает покупки – мои глаза бессмысленно упираются в пакет с замороженной смесью. Я чувствую, что почва начинает ускользать из под ног – хорошо, что я сижу – не стою, хотя что это меняет? Кровь тем временем приливает к лицу, и как будто

что-то зазвенело внутри, а сердце провалилось вниз – я не могу контролировать это, пусть так, но себя, слава богу, я пока что в состоянии взять в руки. Из последних сил я стараюсь сохранить бесстрастное выражение лица, и, похоже, мне это удается.

– Здравствуйте – мой голос звучит чуть глуховато, но спокойно – уже хорошо.

– Здравствуйте – весело и легко отвечает милая девочка.

– Здравствуйте – здравствуйте – говорит наш молодой человек.

Пи-пи-пи – привычно пищит сканер. Ничего не видящими глазами я смотрю на экран. Что пробиваю – понятия не имею. Девушка стоит у меня за спиной – собирает покупки. Он – прямо напротив меня, облокотился на полочку для денег – еще немного и разляжется на ней. И, хотя я больше не поднимаю глаз, но чувствую на себе его взгляд насмешливый, испытующий. Наконец, я объявляю сумму – какую? Не пытайте меня – не помню. Должно быть, что-то вроде 587 или 678, потому, что он сразу предложил:

– Хотите, могу посмотреть семь рублей и восемь и...

– Спасибо, ничего не надо – спокойно отвечаю я.

– Тебе все дадут – раздается ее приятный голосок.

Небольшая пауза – я набираю сдачу. С деньгами в руках поворачиваюсь к нему.

– Ой, что я буду с тобой делать – говорит он ей, глядя на меня.

– И что ты будешь со мной делать? – вторит она.

– Сейчас заведу тебя за угол, и ...

– Что это ты разговорился вдруг? – голос звучит удивленно, в нем слышится некоторый упрек.

Наш молодой человек осекается, молча собирает сдачу. Еще полминуты и они уходят. Черт возьми, я даже не могу немедленно встать, успокоиться, прийти в себя, покурить – в конце-то концов. Сегодня, как назло, вечер пятницы, народ идет и идет, и лишь спустя полчаса я наконец-то затягиваюсь сигаретой. Лицо все еще залито краской. Подумать только – притащил ко мне на кассу девицу и стал МНЕ рассказывать, что собирается с ней делать. Как будто я не знаю, чем занимаются по ночам мужчины и женщины. Господи, дай мне сил.

– Давление подскочило – отвечаю я на участливые вопросы коллег, а сама первый раз в жизни мысленно благодарю свое давление – ведь все в магазине знают, что оно мучает меня постоянно.

Ночь проходит просто ужасно. Моя напарница, пышнотелая брюнетка лет тридцати, искренне удивляется огромному количеству сигарет, что я успеваю спустить за ночь. Моя беготня ее несколько раздражает.

– Ах, Ира, Ира. Если бы ты только знала. – впрочем я молчу, озадачивая ее еще больше.

– Ты даже пакетики не крутишь. Это ты-то.

Ее круглое лицо смотрит на меня небольшими серыми

глазами, пытаюсь сообразить, что такого могло случиться, что Вика вдруг напрочь забыла крутить пакеты. И, поскольку ничего вразумительного я ответить не могу, Ирина полушутливо продолжает:

– Я Татьяне Алексеевне нажалуюсь.

Здесь нужно сказать, что крутить пакеты – добровольно-принудительное ночное занятие. А сам так называемый крученный пакетик – своего рода заготовка для тех, кто работает днем. Когда вам на кассу принесут великое множество салатов, жирную селедку, творог, сметану, вечно текущие пакеты молока или дырявую упаковку соли – эти заготовки позволяют без труда привести все это в божеский вид, то есть, другими словами, быстро и качественно обслужить вас, мои дорогие покупатели – приходите, вы останетесь довольны.

Когда-то, много-много лет назад, если вдруг случалось что-то ужасное, мне, очевидно по наивности, казалось, что все – все кончено, все настолько плохо, что больше ничего не будет и быть не может. Но почему-то наступал новый день, и солнце вновь всходило на востоке. Поначалу я очень удивлялась этому обстоятельству – а само солнце казалось мне равнодушным монстром, что совершенно не сочувствует людям. У меня беда – а оно видите ли, опять здесь. Понадобилось некоторое время, чтобы я поняла наконец – солнце намного мудрее меня, глупой маленькой девчонки. Оно – сама надежда, ведь чтобы не случилось, а завтра будет но-

вый день.

Итак, новый день наконец настал. Морозное ноябрьское утро долго пасовало пред ночной мглой – лишь в половине восьмого робко забрезжил рассвет, и сквозь подсветку витрин стали проступать контуры знакомого пейзажа – площадка перед магазином, скамеечки по бокам, газетный ларек... Темные фигурки ранних пьяниц потянулись к нашим дверям – тетя Галя встретила их привычным ворчанием:

– И ходят, и ходят...

Еще через полчаса я лихорадочно собиралась домой – отчиталась, слава богу. Что называется на автопилоте – да, мастерство не пропьешь – это точно. Татьяна Алексеевна, наш главный кассир, весьма импозантная дама с приятными мягкими манерами, сделала удивленные глаза – чтобы Вика ничего не делала ночью – это невероятно. Впрочем, я самолично подтвердила правдивость слов своей напарницы, что-то наплела в ответ, и отправилась домой.

– Мяу –у.

Возмущенная кошка выскочила из дверей.

– Где ты была? Что это за безобразие? Ты хотя бы мясо принесла? – интонация моей Нюши подразумевает именно такое толкование.

Я подхватила с пола увесистого пушистого бегемотика, прижала к себе, расцеловала усатую мордочку.

– Только ты меня и любишь, моя принцесса...

Принцесса Нюша довольно замурчала, затихла на руках,

терпеливо снося мои ласки. Через час я пыталась заснуть, моля всех богов сразу, чтобы кто-нибудь из соседей по случаю наступившей субботы не включил дрель – любовь любовью, а вечером – к восьми – снова на работу. Тогда, ворочаясь от кошмаров, постоянно просыпаясь, я еще не знала, что вторая серия этого триллера уже на подходе и не далее, как сегодня вечером я хоть что-то начну понимать.

2. Все не так плохо

Мне нравится ходить на работу именно вечером, когда сумерки опускаются на землю – где-то в начале восьмого выхожу из дома и, не спеша, иду вдоль улицы – мимо сбербанка и аптеки, мимо светящихся окон длинного дома и мимо притихшего детского сада. В вечернем воздухе рассеялись, растворились остатки напряженного дня – некуда спешить, можно расслабиться, развлечься кто как умеет. Снежинки кружатся в воздухе, плавно опускаясь вниз – ветра нет, слабый морозец приятно освежает лицо – я смотрю в темное небо – звезд не видно – лишь глубокое, черное небо раскинулось надо мной, и луч прожектора тщетно скользит по низко нависшим тучам. Синяя крыша магазина выплывает из темноты, на освещенном широком крылечке полно праздничношатающихся людей – все лавочки заняты, везде молодежь – невнятные разговоры и смех – урны переполнены, а пивным бутылкам просто нет числа – их зеленые горлышки виднеются и вдоль стен, и на ступеньках, а другие аккуратно составлены у низенькой ограды заснеженного газона. Помните, как у Блока – и медленно, пройдя меж пьяными, всегда без спутников, одна... И каждый раз, подходя вечером к родному магазину, я ощущаю себя блоковской героиней – ни больше, ни меньше. Вокруг суетятся, снуют какие-то люди, звон стекла, смех, обрывки фраз доносятся до

меня из чужих, неизвестных мне жизней, и я могу только догадываться, чем живут все эти люди – что собираются по вечерам на крылечке нашего магазина. Чем их притягивает это место? Ведь есть бассейны, музеи, театры, кино, накопец. Но, туда нужно идти, ехать, совершать над собой лишнее усилие – а время между тем – вечер, темный, ноябрьский вечер, и лень выбираться с окраины, где совершенно некуда пойти, негде развлечься. Потому крылечко нашего магазина – своеобразный дом культуры, где по вечерам тусуется народ – а что? светло, пиво – рядом, новогодняя елка уже стоит, и никто вас не прогонит, если только вы сами не начнете буяннить и бить витрины.

Я медленно иду вдоль крылечка, спокойно рассматривая собравшихся здесь людей – моя прогулка подходит к концу, еще пара минут, и служебный вход впустит меня через обитую железом, тяжелую дверь. Мне уже сорок, но выгляжу я вполне прилично – следов увядания самый минимум – не зря Микеланджело заметил, что женщины, ведущие беспорочный, глубоко духовный образ жизни, дольше сохраняют свою красоту. Высокий лоб, правда, пересекает морщина, но она возникла давно – кажется еще в юности, скуластое лицо, красивые большие голубые глаза, длинные ресницы сами загибаются вверх, приятной формы губы, волевой подбородок с ямочкой, а вот нос – он-то и портит всю гармонию моего лица – он слишком большой, с горбинкой, настоящий еврейский нос, доставшийся мне от дедушки – ну и пусть, что да-

но, то дано – я не собираюсь ничего менять. В общем, самое ценное это глаза и волосы – роскошные густые длинные волосы, ровным полукругом закроют полспины, стоит только распустить их.

– Чем старше женщина, тем короче должна быть ее прическа. – звучит голос моей приятельницы. Тщетно скрываемые нотки зависти сами просятся наружу.

– Меня всегда пытались подстричь – особенно те, у кого три волосинки на голове – парирую я.

– Хотя бы покрась – седых вон сколько. – не сдается подруга.

На сей раз она права – седины хватает.

– Свой цвет волос – самый лучший цвет – упрямо возражаю я. Дух противоречия прочно засел во мне, и убедить меня ой как непросто.

Облезлое крыльцо даже отдаленно не напоминает приличный фасад – тусклая лампочка освещает выщербленные ступени – служебный вход не похож на парадный – обшарпанные стены предбанника неопределенного цвета, старый письменный стол дежурного стоит справа – на мониторе видео наблюдения – полупустая служебная стоянка – начальство в основном разъехалось – ну и слава богу – без них спокойнее. Тесные ряды одинаковых шкафчиков, гирлянды навесных замков всевозможных размеров, стоптанный линолеум, убогий стул, что кочует по раздевалке из конца в конец и вечно открытое окно – что и говорить, уюта здесь немно-

го, да по большому счету, он не особенно нужен – старенькое пальто отправляется на вешалку, я облачаюсь в синюю форму и, вооружившись заколками и расческой, не спеша подхожу к зеркалу – остался последний штрих, последний, чтобы выглядеть, как все – минимум индивидуальности, все должно быть абсолютно одинаковым – недаром вы частенько путаете нас, господа покупатели. Темно русые волосы собраны в хвост, ужасный синий кокошник с желтой окантовкой по краю совершенно не идет мне, но, деваться некуда – (кто только придумал это) я печально вздыхаю, разглядывая свое отражение, пытаюсь подправить хоть что-то, подкрашиваю губы.

– На меня хоть смотреть-то можно?

– Конечно. Мы вообще самые обалденные на свете.– жизнеутверждающий голос девочки Кати, нашего ночного продавца, звучит задорно, без малейшей тени сомнения – именно то, что мне сейчас нужно – она улыбается – удлиненное лицо с точеным носиком дружелюбно и искренне смотрит на меня подведенными серыми глазами.

Затем мы обе вновь уставляемся в зеркальные глубины – высокая, худенькая, как тростинка, молоденькая Катюша и я, миниатюрная женщина, с неплохой во всех отношениях зрелой фигурой – впрочем, фартук сильно полнит меня – он полнит всех, без исключения и довольно сильно – пухленькая сразу выглядит толстухой, я же смотрюсь женщиной, что называется, в теле.

Вечерняя жизнь магазина идет неспешно – у одних смена подходит к концу, для меня все только начинается. Все, как обычно – мы с напарницей спускаемся в зал, занимаем свои места. В субботний вечер покупателей немного, да и те, что есть не доходят до нас – мы сидим впереди, лениво перебираемся словами – о чем-то говорим, право, не помню, о чем... Время стоит на месте.

– Шли бы вы домой, что ли...

Часть кассиров заканчивают смену в десять – именно им адресованы мои слова.

– Мы хоть сейчас – раздается в ответ.

Понятно, что никто никого не отпустит, и придется им сидеть еще добрых полчаса, пока стрелки не доползут до без пяти – тогда девчонки засуетятся, загалдят, обращаясь к охране:

– Закрывайте нас

– Закрывайте, уже десять

Цепочки перекрывают проходы, все происходит быстро – пусть они идут, теперь нужно проводить 12-ти часовых и тогда станет еще легче – нас останется двое – до утра. Я стараюсь гнать подальше грустные мысли, но они упрямо крутятся в голове – оттого вид у меня невеселый.

– Ты хоть выпалась? – участливо интересуется Ирина. – Не нравишься ты мне что-то...

Я стараюсь приободриться, неужели, и правда, заметно? Нет, так дело не пойдет. Кроме любовных стенаний на све-

те много других интересных вещей – обратимся к какой-нибудь из них – посплетничаем, например. Как две старушки на скамеечке у подъезда, мы принимаемся судачить о самых пустых вещах, время от времени покупатели прерывают нас, тогда раздается неизменное «здравствуйте», они уходят, а мы продолжаем свой диалог, более того, мы можем вести его даже в вашем присутствии, словно существует два параллельных мира – ваш и наш. Эти миры не мешают друг другу, они как будто не пересекаются – потому, если вам вдруг придет в голову вставить какую-то реплику в чужой разговор – подумайте прежде, чем открыть рот – едва ли вам будут рады. Разгонять стайку девушек, собравшуюся возле одной из касс и вовсе последнее дело – там обсуждаются интереснейшие, животрепещущие темы, потому лучше обойти собрание стороной, иначе на вас как минимум косо посмотрят. Впрочем, сегодня народу не много, и мы можем общаться спокойно. Постепенно в пустых словах растворяется моя грусть, от ничего не значащей болтовни мне становится легче, неожиданно для себя я улыбаюсь в ответ на шутку, и о, чудо я даже смеяться, оказывается, могу. Что я думала? Что такой парень ведет монашеский образ жизни? Пусть он делает, что хочет. Жизнь и впрямь начинает казаться не такой плохой. У меня вообще все прекрасно – расскажи мне еще что-нибудь, Иринка.

В незатейливой болтовне незаметно скользит время, и я забываю смотреть по сторонам – я больше не ищу его. В свою

очередь вспоминаю какой-то смешной случай, увлекаюсь, жестикулирую для пущей выразительности – мы обе смеемся и потому совершенно не обращаем внимания на проходящих мимо людей – что на них смотреть? Такой, должно быть, он и застал меня – развернувшись в пол оборота к соседке, я смеюсь, словно вчерашнего вечера не было вовсе. Каюсь, но я не заметила его. Разве мог он стерпеть такое? Мой герой выстроился напротив касс и принялся общаться с охранником – мне, кстати, всегда страшно интересно, о чем они разговаривают? Но спросить я стесняюсь, даже просто боюсь – скорее всего, получу лишь самый пространственный ответ, а ненужный интерес вызову сама – что это она про него вдруг спрашивает? Нет, жена цезаря должна быть вне подозрений. Пусть его стоит, смотрит. Мне все равно. Я вновь хладнокровно разворачиваюсь к соседке. На сей раз продолжить разговор не судьба – ко мне спешат покупатели с огромной тележкой – я вынуждена повернуться к ним, – и первый, кого я вижу прямо напротив себя – наш молодой человек. Мы привычно встречаемся с ним взглядом, я начинаю обслуживать людей. Он смотрит, затем уходит – видимо довольный – его заметили. Я говорю себе – спокойно. Все хорошо. Он ничего мне не должен, впрочем, как и я ему. Позже, ночью, я встану на то самое место, за тем, чтобы посмотреть – вот глупость-то – не ошиблась ли я? Точно ли меня отсюда видно? Своими нелепыми, совершенно необъяснимыми с точки зрения нормального человека действиями, я повергаю Ири-

ну прямо-таки в шоковое состояние.

– Ты что там встала? Ишь, прям на место любимого администратора.

Точно. Практически ликую я. Змея Ивановна любит зависать над нами именно здесь. Всех отлично видно – и меня тоже, даже если в профиль развернуться. Сделанное открытие поднимет мне настроение – шепнет потихоньку – не все так плохо, поверь. Но это будет позже, а сейчас без восьми минут двенадцать, покупателей в зале мало, на кассах – и того меньше, я вновь мирно общаюсь с Ириной, внезапно раздаётся громкий смех – его смех. Похоже, одного раза мало. Парень в темной куртке стоит возле стенда с ящиком для пожеланий наших покупателей, стилизованного под почтовый – однажды в него и впрямь бросили письмо (надеюсь, маркетолог все-таки отправила его и оно дошло до адресата), – он стоит в компании охранника и громко хохочет – ты хочешь внимания к своей особе? Хорошо. Я смотрю на тебя. Но просто сидеть и смотреть я тоже не могу – уже 12, кассы закрываются – остаемся мы вдвоем – две ночнушки. Тут он срывается с места, хватает банку своего пива и подлетает к моей кассе.

– Здравствуйте – официальным тоном говорю я – надо понимать – я еще в шоке после вчерашнего. В моих глазах застыл упрек – что ты натворил? Ладно, мы взрослые люди, я все понимаю, но все же...

– Здравствуйте – слова звучат тепло, он суетится – А мож-

но я вам дам мелочь?

Ах ты, скотина. Ничего мне не нужно.

– Нет – моя голова склонилась над денежным ящиком – дрожащими пальцами я ковыряю сдачу.

– То есть – да пошел ты? – спрашивает он. – Я понял, вы знаете, в интернете... там есть такой приколы...

Я молча смотрю на бесконечно дорогое мне лицо – как ты не понимаешь – я на работе – здесь снимает камера, здесь множество любопытных глаз и ушей, причем не столько покупателей, сколько самих сотрудников, их хлебом не корми, дай посудачить только – я не могу у них на глазах позволить себе лишнего, не могу, пойми ты наконец. Он видимо, толкует по-своему – как сквозь пелену – я ведь не отошла еще от вчерашнего – слышу его голос:

– Да пошел ты, так? – расширенные глаза умоляюще смотрят на меня.

Никто и никуда не хотел тебя посылать, милый мальчик, но я молчу, он стоит, пауза зловеще зависла над нами – а кассы только две – Ирина и моя, и справа подходит народ, я должна работать, чтобы не случилось, я должна. И здесь происходит ужасное – не говоря ни слова в ответ, я делаю вымученный жест левой рукой – отстраняясь, отодвигая того, кто мне по-настоящему дорог, чтобы обслуживать ничего не значащих для меня людей. Он хватает свою банку и идет на выход – я едва успеваю посмотреть ему вслед – он не повернулся, даже не взглянул на меня. О, черт, как все вышло

– казню я себя. Ведь он опомнился, прибежал, юлил здесь, пытался заговорить... А ты, ты как неприступная крепость – подойти нельзя. Мне нужно поговорить с ним, только не в магазине, разумеется, только не здесь...

3. Мальчик с красным рюкзачком

Когда это помешательство началось? Что ж, могу ответить вполне определенно – в тот самый день, когда вопреки своим правилам, я впервые подняла на него глаза. Как говорилось ранее, я избегаю делать это – скорее узнаю ваши кошельки, кредитки, одежду, но ваши лица – нет, выше уровня груди мой взгляд поднимается крайне редко. Нужно что-то из ряда вон выходящее, нестандартное, особенное, чтобы мне запомнилось именно ваше лицо – а без этого – вы для меня лишь поток покупателей, не больше. Только не обижайтесь – представьте себя на моем месте – перед вами ежедневно проходит толпа народа – многих ли вы запомните? То-то же. Но, вернемся к самому началу.

Мальчик с красным рюкзачком приходит довольно поздно, примерно в 11-ом часу, когда вечерняя толпа схлынула, люди в основном разошлись по домам, и лишь немногие покупатели прогуливаются по залу, иногда застывая возле истерзанных полок. Он посещает наш магазин почти каждый вечер, а может и каждый, не знаю – я не особенно интересуюсь им, как, впрочем, любым другим припозднившимся клиентом. А голос у него приятный – это точно, и сам парень вежливый, похоже, хорошо воспитан. Берет он всегда дорогое пиво, готовые салаты на ужин, иногда замороженные овощные смеси – чтобы быстро поесть, особенно не за-

морачиваясь на кухне, и свой любимый Кент восьмерку. Синие джинсы, синяя куртка – он выкладывает баночки пива из корзинки – парень хорошо сложен и довольно высокий – я вижу лишь уровень пояса – впрочем, меня мало интересует, кто и как выглядит, но одно могу сказать точно – двигается он приятно, несуетливо, в нем есть определенный шарм – хотя – какое мне до него дело?

– Здравствуйте

Равнодушно, наверное, пятисотый раз за день говорю я, привычно и быстро выполняю свою работу – все пробито. Сигаретница грозно нависает над моей головой – его рука тянется к полочке с восьмым Кентом – пачка шлепается на ленту. Что за манера лезть самому? Что, сказать нельзя? Мое раздражение никак не отражается на лице – услужливый сканер фиксирует последнюю позицию, еще одна строчка возникает на экране.

– Триста двадцать девять пятьдесят – устало произношу я.

Зеленая купюра ложится на полочку, он с силой шлепает по ней ладонью и подвигает банкноту ко мне – подобные выкрутасы совершенно не действуют на меня – помню однажды какой-то пропойца доставал деньги из носка – Погодите, говорит, я сейчас, а сам юрк вниз и давай снимать ботинок. Смятая десятка, как несложно догадаться, оказалась вонюче-душистой – потом я долго мыла руки и брезгливо морщилась – бывает и такое. Поэтому, хоть стучи руками, хоть нет – мне все равно. Молчаливая пауза зависает в воз-

духе. Детектор выдает все признаки подделки – и не слишком хорошей – банковская бумага – да, но все остальное не выдерживает никакой критики.

– Молодой человек, – говорю я уверенным, официальным тоном – Это тысяча фальшивая.

Нужно сказать, что люди с фальшивыми купюрами делятся на две категории – тех, кто знает, чем обладает и только делает вид, будто только что не пытался всучить ее кассиру, и тех, кто не знает этого, то есть, говоря юридическим языком, добросовестно заблуждается. Это сразу видно по лицу – не думайте, что ваши лица – сплошь непроницаемые маски. Я впервые за довольно продолжительное время, сколько этот парень ходит к нам, поднимаю свои глаза и внимательно смотрю на него. Передо мной очень интересное лицо с пронзительными голубыми, очень умными глазами, светлая челка закрывает лоб лишь наполовину, трехдневная модная щетина покрывает щеки, губы тонковаты, но злобного выражения не придают, нос прямой и довольно длинный – впрочем все лицо несколько удлиненное – такой приятный мужественный овал – если можно так сказать. Позже я разгляжу наконец, что в фас он гораздо лучше, чем в профиль – некоторая полнота его лица портит его, а нос словно выезжает вперед вздернутой дугой. Итак, он удивлен, обескуражен, растерян – это понятно.

– Смотри – говорю я, для себя сразу решив, что вполне могу разговаривать с ним на «ты» – он не обидится, я поче-

му-то точно это знаю.

Несколько горизонтальных морщин проступили под челкой, светлые брови взлетели вверх – первоначальное удивление сменилось на желание разобраться и понять в чем дело.

– Эти листики должны светиться, а здесь проступит радуга, если вот так смотреть... – объясняю я, прекрасно понимая, что он относится к тем людям, кому фальшивка попала случайно. – А вот так...

Я разворачиваю к нему детектор, мы вместе склоняемся над ним – парень внимательно, с интересом смотрит и слушает меня – безо всякого пижонства, он не встает в позу, не начинает оправдываться или грубить, что обычно в таких случаях – он похож на толкового ученика, который схватывает на лету полезную информацию. В этот момент между нами что-то происходит, я не понимаю, что именно, просто чувствую, что рада бесконечно объяснять ему, что и как, а он, в свою очередь, вовсе не пытается быстрее закончить импровизированный урок – так бы и слушал меня, время от времени задавая вопросы своим приятным усталым голосом. Словом, мы могли бы еще долго крутить в руках эту бумажку, склонившись над ней, но все на свете рано или поздно подходит к концу. Увы, объяснения закончены – мне нужно следовать инструкции.

– Охрана – повышаю я голос.

Волшебный мир испуганно исчезает, рассеивается, вся прелесть общения изгоняется в один миг. Служба СВК, то

есть контролеры зала, давно переименованы нами в охрану – так проще. Мальчик в служебном сером костюме смотрит в мою сторону.

– Саша – кричу я

25-ти летний коренастый плотненький парень, коротко стриженный, щеки как у хомячка, круглое, добродушное лицо, полные, бантиком губы, подлетает ко мне с карточкой наготове. Но на этот раз карточка, открывающая доступ к другим операциям, мне не нужна. Я протягиваю ему купюру.

– Саша, тысяча фальшивая

– Ты уверена?

– Абсолютно

Саша мнетя – он знает, что нужно делать, но ему не хочется разводить канитель на ночь глядя, и я от всей души жалею этого мальчика с красным рюкзачком – вместо того, чтобы пойти спокойно домой, придется ему здесь ждать милицию, пока приедут, а потом объясняться...

– Сейчас еще у кого-нибудь спрошу... – мямлит охранник.

– Саша, если я сказала, что она фальшивая, значит это так и есть. – обиженно звучит мой голос.

Приятный мальчик – это хорошо, но сомневаться в моей профпригодности я не позволю никому. Хождение этой банкноты должно на мне и прекратиться.

– Ладно, – принимает соломоново решение Саша. Он не хуже меня понимает, что этот парень никакой не сбытчик

подделок и никакого печатного станка у него тем более нет. – К чему нам огород городить? Порвем ее и все.

Через миг купюра растерзана на мелкие клочки – все вздыхают с облегчением – инцидент исчерпан. Можно забыть этот случай, тем более что он один из многих за мою практику.

Но, не тут-то было. С тех пор каждый день, а вернее, каждый вечер этот парень возникает передо мной, из всех наших касс выбирая мою – случайно или специально – я не знаю. Только теперь он ведет себя смелее, развязаннее – и, поскольку я не собираюсь его поощрять, меня постепенно начинает раздражать его поведение. Мне одновременно нравятся его движения, его голос, красивые мужские руки, приятное во всех отношениях лицо, но они же и неприятны мне. Что до моего лица, то оно каждый раз искажается злобной гримасой, а голос приобретает металлический оттенок, стоит лишь мальчику с красным рюкзачком оказаться где-нибудь в непосредственной близости. Интуитивно я стараюсь отпихнуть его от себя, и тому есть причина – ведь я – женщина с довольно бурным прошлым, но и счастье, и разочарование – все, что было уже позади. Мое сердце давно молчит, находясь в состоянии покоя, и, скорее всего, как мне кажется, вряд ли опять когда-то откроется для кого бы то ни было. По сути, я боюсь и не желаю вновь пережить душевный трепет – ведь состояние счастья недолговечно и разочарование неизбежно последует в развязке. Мне ли этого не знать? Но,

вопреки всему я никак не могу забыть ту купюру, тот волнительный момент ее тщательного изучения, и, поскольку я понимаю, что столь симпатичный и молодой парень вряд ли заинтересуется мной (по сути, это досада), тем более что исправить здесь что-то я не в силах – повернуть время вспять невозможно – я начинаю вести себя как та лиса у Эзопа, что не смогла достать виноград:

– Он зелен – сказала она в отместку

– Он начинает надоедать мне – говорю я – Как будто хочет непременно доказать, что невиноват. А мне это надо?

По сути я все для себя решила – разница между нами лет семь не в мою пользу, я далеко не красавица, что уж там, поэтому сложно ожидать с его стороны каких-либо нежных чувств – видимо он просто пытается мне доказать, что тот случай всего лишь недоразумение, и только. Но мне ничего не нужно доказывать. Тем более так настойчиво – изо дня в день. Почему бы не оставить меня в покое?

4. Злобный кассир

Холодный октябрьский день – суббота, когда все в основном вернулись из отпусков и с дач – поэтому в магазине народу – тьма. Скупое солнышко бьет прямо в монитор – кто придумал поставить кассы напротив окон? Отсвечивает – ни строчки не видно, а глаза едва не лопаются от напряжения.

– Жалюзи закройте – прошу я охрану – Ничего не видно.

Ну вот, так намного лучше. Экран приобретает осмысленный вид – можно работать дальше. А работы – хоть отбавляй, везде очереди, и нервный администратор, пометавшись вдоль извилистых людских ручейков, заявляет не терпящим возражений тоном:

– По одной на обед. Все слышали?

Что за ерунда?

– Мы тогда только к вечеру успеем все поесть – певучий ласковый голос Оли Нестеренко на этот раз звучит твердо, с пониманием собственной правоты. Я, хотя и сижу к ней спиной, но ясно представляю себе, как взлетели вверх ее тонкие брови на красивом, почти ангельском лице. Надо поддержать девочку. Не одной же ей держать оборону, когда из нас из всех хотят веревки вить.

– Анна Борисовна. – не отвлекаясь от работы кричу я, пока администратор не успела уйти. – Они наплывами – то есть народ, то нет...

Анна Борисовна, статная, дородная женщина с черным кудрявым шиньоном на голове, вся обвешенная, в буквальном смысле слова унизанная своим любимым серебром, что и живого места на ней нет, в эффектных костюмах не знаю, от какого кутюрье – но смотрится на самом деле все очень здорово – таким и должен быть администратор уважающего себя магазина – Анна Борисовна зычным голосом отвечает из предкассовых глубин:

– Когда рассосется – пойдете по двое, а пока по одной.

Она скрывается из виду, больше не обращая внимания на негодующих кассиров – придется сидеть, а что делать? Разочарованно вздохнув, я глубже укутываюсь в душегрейку – моя касса ближайшая к дверям, а наши гостеприимные двери не успевают закрываться – народ идет и идет – осенний ветер врывается вместе с людским потоком, и я постоянно возвращаюсь к одной и той же мысли – неплохо было бы включить обогреватель... Который, кстати, нужно еще попросить принести – только вот – когда? Бесконечный людской поток движется без перерыва, вереницы тележек, стопки корзинок, банки, пакеты, подложки нарезанной колбасы – я сижу, словно купчиха, на высоком крутящемся стуле, денежный ящик выскакивает чуть ли не на колени, но это единственный минус – чем выше посадка, тем быстрее и удобнее работать на самом деле. Груды продуктов сменяет одинокая баночка дорогого пива – скромно, но со вкусом. Понятно. Мне даже не надо поднимать глаза – я знаю, я чувствую – это он, тот са-

МЫЙ молодой человек.

– Здравствуйте – говорю я

– Здравствуйте – вежливо звучит в ответ.

Мне, привыкшей за день перетаскивать с права на лево не меньше тонны всякого товара, расправиться с какой-то баночкой пива – секундное дело. Молодой человек уходит, а люди все идут и идут – время летит незаметно, очередь не кончается – ничего удивительного – время полдень, даже самые ленивые проснулись и потянулись в магазин – куда ж еще?

– Здравствуйте

Опять баночка пива – того же самого. Восьмой Кент плюхается передо мной – я послушно пробиваю, отдаю сдачу. Лента движется по кругу то доверху заваленная, то с мелкими покупками, дети капризничают, кричат – почему, кстати, стоит лишь ребенка подвести к кассе, как он сразу начинает кричать? Сквозь визг я едва слышу диктуемый телефон – мужчина и без того говорит себе под нос, а этот крик кого угодно может свести с ума. Бежевая прогулочная коляска не спешит на выход – у меня закладывает уши – я недовольно морщусь, провожаю сердитым взглядом нерасторопную мамашу – та копается среди своих белых пакетов, в попытке пристроить их поудобнее – иди на улицу – там разберешься.

– Сюда еще раз посмотрите пожалуйста... Проверьте номер.

Не очень-то удобно подписывать квитанции на узенькой

полочке для сдачи – но, делать нечего – в широкой мужской ладони утопает моя ручка, а клочок бумажки – тот и вовсе пропадает под ней.

– Ваша квитанция и чек... Здравствуйте.

Опять баночка пива. Ну, это уже слишком. Который раз ты ко мне стоишь? Пятый? Восьмой? Что я тебе сделала? Тебе самому-то не надоело пиво пить? Неужели больше заняться нечем?

Здесь стоит оговориться – в мои обязанности входит приветствовать покупателя. Причем это закреплено отдельной строкой в зарплате и имеет вполне определенный денежный эквивалент – а именно полторы тысячи. Не будешь здороваться – не досчитаешься этой суммы, а оклад у нас тот еще.

– Это абсурд. По правилам этикета здоровается первым тот, кто входит. – поначалу, когда это только вводилось, пыталась сопротивляться я.

– Здоровается первым тот, кто лучше воспитан – доказывает мне Иван Петрович, пожилой директор нашего магазина. Он любит иногда пообщаться со мной – я всегда выдам что-нибудь этакое, нестандартное, что вызовет улыбку на его серьезном лице. А улыбка у него мягкая и добрая.

– Но, это называется зомбирование. 500 раз на дню здрасьте сказать. Так и до сумасшедшего дома не долго – не сдаюсь я.

– Это называется работа с покупателем. И почему только здрасьте? Добрый день или добрый вечер, доброй ночи – то-

же подойдет. И спасибо за покупку не забудь.

– Ага... – нехотя соглашаюсь я. А куда деваться?

Из всего предложенного многообразия приветствий я, чтобы не осложнять себе жизнь ориентацией во времени, выбираю самое универсальное.

– Здравствуйте – услышите вы от меня и утром, и днем, и в любое другое время суток.

И, даже от усталости, больше моральной, нежели физической, когда хочется просто всех построить на крылечке нашего магазина и расстрелять – до того все надоело, для вас все равно прозвучит только:

– Здравствуйте – и ничего больше.

А теперь представьте себе, что перед вами, в который раз за день, стоит один и тот же человек – и вы опять должны сказать ему:

– Здравствуйте

Я просто обязана сделать это – иначе схлопочу штраф. За кого ты меня принимаешь, в конце-то концов? Сколько можно? Я почувствовала себя такой идиоткой – что он делает из меня дурочку? Переполненный кипящий чайник лишь отдаленно смог бы отразить своим видом мое негодование. И возмущение не замедлило выплеснуться следующей тирадой:

– Молодой человек, что вы все время ко мне встаете? Вон сколько касс – выбирайте любую другую. Надоел.

Я злобно хватаюсь за банку – пи-и-и – верещит сканер –

пиво небрежно скатывается вниз, глухо ударяется об ограничитель.

– Восемьдесят пять девяносто – мой тон звучит резко, раздраженно.

Понятно, что ничего подобного он просто не ожидал. Рас-терянность отразилась на его лице столь явно, похоже в глазах мелькнуло недоумение – но мне нет никакого дела, что он себе думает – я тоже человек, и хватит надо мной издеваться. Парень нервно ищет деньги, я едва не выхватываю их у него из рук, через секунду он быстро сгребает сдачу и опрометью выскакивает вон из магазина – краем глаза я кровожадно наблюдаю его действия – вот противный тип, достал уже.

Больше он не пытается занять очередь в мою кассу, более того – шарахается от меня, как от чумы – даже если я абсолютно свободна.

– Скучаете? – обычно спрашивают в таких случаях наши покупатели.

С чего вы взяли, что я скучаю?

– Напротив – прекрасно провожу время – отвечаю я на подобный вопрос.

С вами заскучаешь, как же. От вынужденного общения к вечеру чувствуешь себя выжатым лимоном. Кроме желания скорей оказаться дома, никаких других желаний просто нет. А дома, дома меня ждет моя принцесса, мои книги, мой компьютер – мне никогда не бывает скучно – зачастую мне не хватает времени – ведь окунувшись в любимые дела, не за-

мечаешь, как оно летит. За выходные дни я практически забываю о мальчике с красным рюкзачком. Он остается где-то за бортом, он поставлен на место и больше не посмеет беспокоить меня. Но выходные не вечны.

– Куда тебя записать? – вопросительно смотрит на меня из-за зарешеченного окна главный кассир.

Татьяна Алексеевна всегда спрашивает меня об этом, хотя наверняка знает – Вика предпочтет последнюю кассу. Почему кроме меня ее никто не любит? На лицо масса преимуществ – во-первых, никто справа не ходит, тележкой в локоть тебя не толкает, четыре раза в день перекачка информации, все пробивается – красота, да и только. Ну, принтер иногда заедает – но ведь не бывает, чтобы все было хорошо. Итак, решено – последняя касса ждет меня. Я спокойно работаю целый день, вечером приходят ночнушки – это значит, что через два часа мне домой. Людей немного – подходят время от времени – сиди, отдыхай. С пакетом в руках ко мне направляется Галя Нигматуллина. Татарское плоское лицо, мелкие черты лица, коротко стриженные крашенные волосы, в ее раскосых глазах застыла великорусская грусть. И не Галя она, а, кажется, Гузяль – это мы по молчаливому соглашению зовем ее Галей.

– Галя, ты какая-то неправильная татарка. В тебе хитрости вообще нет.

Зеленые Галины глаза печальные, мудрые, смотрят на ме-

ня спокойно, без обиды.

– В каждом народе разные люди встречаются – плохие и хорошие, хитрые и простодушные. – отвечает она.

– Э, нет. Эту национальную черту еще Карамзин подметил.

– Это когда было-то? У тебя Парламент есть? Там касса совсем пустая.

Что верно, то верно. Сигаретницы на ночных кассах, как правило, пустеют раньше остальных – по краям сигарет достаточно.

– Бери – негромкий щелчок, и секция опускается вниз.

– Смотри-ка, у тебя и Кента полно...

Галя начинает выгребать залежи сигарет, сбрасывая попутно и самый ходовой синий Винстон – у меня его и без нее осталось мало.

– Женщина, что вы делаете? – шутливо протестую я, повышая голос. – Это грабеж. Безобразие. Отойдите немедленно.

Мы обе смеемся – мы прекрасно понимаем друг друга. Широко открытые голубые глаза на удивленном лице восхищенно и пристально смотрят на меня – ну, конечно, это он – кто ж еще? Ты думал – я не умею шутить? И смеяться не умею? Мое настроение испорчено – я отворачиваюсь от настойчивого голубого взгляда – пусть себе смотрит.

5. Анечка

– Что ты, Вика? Он очень милый, такой приятный... Постоянно пробивает у меня. – Анечка Истомина чаще меня работает в ночь, когда остаются лишь две кассы, а мальчик с красным рюкзачком имеет обыкновение заходить по второму кругу, и довольно поздно, когда все нормальные люди спят.

Ее бездонные, щедро подведенные карие глаза смотрят на меня бесхитростным, полудетским взглядом – девочке чуть больше двадцати, она прекрасно смотрелась бы и без грима – безупречная белая кожа – сама свежесть, пухленькое интересное лицо с изящным носиком в обрамлении черных, с отливом, волос – когда Аня собирает их в хвостик, то выглядит совсем юной школьницей. Прическа на манер Клеопатры мне не очень по душе – на ум немедленно приходит долина царей с ее гробницами и фараонами, но, что делать, главное – Анин образ нравится ей самой. Такое сочетание иссини черного и ослепительно белого однажды ввело в заблуждение нашу постоянную покупательницу – она внимательно изучила Анечку, а затем сделала вывод:

– Ты армянка

– Нет, я – русская – прозвучало в ответ.

– Нет, ты армянка. – уверенно и твердо заявила собеседница.

Далее последовал монолог на чистом армянском языке, из которого Аня, само собой разумеется, не поняла ни слова. Но то, с каким счастливым выражением лица, с каким удовольствием эта женщина говорила на своем родном языке, произвело сильное впечатление на нашу Аню. Думаю, в ее памяти надолго останется это лицо – глубокие морщины в обрамлении седых волос, влажные карие глаза, тронутые грустью, мягкая добрая улыбка и тихие певучие звуки незнакомого языка. Видимо этой женщине, волей судьбы, (а вполне вероятно, и трагических катаклизмов, выпавших на долю армянского народа), заброшенной на необъятные российские просторы, не часто выпадает случай так запросто пообщаться с земляками, вновь услышать сладкую музыку родной речи. С тех пор она частенько наведывается именно к Ане – та больше не оказывает сопротивления, не спорит – просто слушает и улыбается в ответ. Как видите, люди приходят к нам не только за едой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.